

В последнее десятилетие либеральной прессой было сделано всё возможное, чтобы подвергнуть самой жесточайшей, уничтожающей критике значение Октябрьской социалистической революции в дальнейшей истории государства. Пришло время для более объективного, осмысленного отношения к своей собственной истории. Революция знаменовала коренной перелом в политической, экономической и, конечно же, культурной жизни России. Под воздействием сначала событий февраля, а затем октября 1917 года менялись и взгляды художников, степень их участия в общественной жизни. Очень непростым и нелёгким было осознание, что началась новая полоса в истории России. С первых дней революции новая власть активно привлекала художников в работу по строительству новой «народной» культуры.

Первым шагом стало объявление всего культурного наследия общественным достоянием. Уже в первый день были назначены в Петрограде комиссары, ответственные возглавить работу по защите музеев и художественных коллекций, в Москве была создана подобная комиссия, когда ещё гремели выстрелы... Нужно было привлечь художников и, кстати, гораздо охотнее, чем художники-реалисты, шли навстречу революции художники новых направлений. Революция нуждалась в искусстве, как в мощном орудии агитации...

С первых лет революции художников привлекала задача передачи общей эмоциональной атмосферы тех дней, характера отношения людей к революционным событиям. На долгие годы тема Октября оставалась востребованной. И сегодня мы с таким же интересом обращаемся к деятелям искусства, создавшим за десятилетия широкую художественную панораму событий Октября, потому и готовилась в Оренбургском областном музее изобразительных искусств экспозиция, посвящённая 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Общие впечатления от выставки — динамичность, неудержимость ритма линий, объёмов, горение, иначе не скажешь, красного цвета во всём богатстве его оттенков — сразу вызывают ощущение обрушившейся лавины событий, мощного ветра, всё

сметающего на пути и видимое, осязаемое ускорение Времени, предельное уплотнение временного пространства — событиями, людьми, надеждой и верой, отчаяньем и восторгом. В общем — Время, вперёд!

Так и называется открывшаяся в октябре в областном музее изобразительных искусств выставка «Время, вперёд!» Экспозиция выставки включает работы художников разных поколений, по-разному интерпретирующих события Октября.

Особенно интересны работы 20-х годов прошлого века, т.е. работы художников, очевидцев или, по крайней мере, современников революционных событий. Резкий разворот истории вызвал и разные к ним отношения от резко негативного, — «случилась непоправимая беда, крушение красоты традиций» — до восторженного приветствия в надежде реализовать теперь попытки кардинальных перемен в искусстве, о которых они мечтали ещё задолго до Октября. «Было жутко, ново и весело, мы дышали всеобъемлющей новизной будущего, горели энергией молодости» — писал В. Каменский. Было и другое отношение — более трезвое и аналитическое. А. Сидоров вспоминал, что «революцию принял как необходимость истории. Мои художественные переживания начинаются с жадного ожидания. Наиболее ярко и категорично заявляло о новом, приемлющем Революцию, искусство слова:

литература, поэзия... Появляются как манифесты времени «Мистерия Буфф» В. Маяковского, «Двенадцать» А. Блока.

В изобразительном искусстве революционные события прежде всего нашли отражение в плакате и графике с её мобильностью, тиражностью. И плакаты, и графики того времени — ценнейший художественный документ и очень важная часть исторического художественного наследия. Противостояние тех, кто принял революционные события и тех, кто крайне негативно к ним отнёсся, нашло отражение в экспозиции. Рядом с подробно повествовательными, натурно точными в бытийном плане листами Д. Топоркова («Диспут о новом быте»), гравюры на дереве Н. Прохорова, для которого революция — это прорыв в будущее, в них — полные динамики, романтического пафоса, «прекрасные и яростные» дни Октября. («Штурм Зимнего», «Вся власть Советам»). И тут же, рядом — совершенные по своим художественным достоинствам офорты художника, умеющего «вживаться» в музыку штриха», русско-мексиканского мастера В. Кибальчича (Влади), в них подчёркнуты гротесковые, злобные образы большевиков. («Заборный комиссар»).

Живой взгляд современника тех лет в нашем крае, городе — в живописи и графике ученика академика Б.П. Виллевальде Е. Тихменева («Разгром

белогвардейского обоза», «Разгон демонстрации у Беловской тюрьмы»).

Очень выразительны, эмоциональны листы А. Лабаса, по своему содержанию отвечающие названию выставки «Время, вперёд!» На летящем на зрителя паровозе («На паровозе») оцетинившиеся винтовками солдаты, матросы, за ними — развевается на ветру красный флаг, стелется над вагонами чёрный дым, на горизонте вспыхивают отсветы пожаров. Резкость, импульсивность линий рисунка, напряжение цветовой гаммы передаёт грозную, тревожную атмосферу тех лет.

Листы В. Курдова так же, как и листы А. Лабаса, выполнены в 60-х годах, но стилизованы под плакаты революционных лет: повышенная динамичность изображения, соединение изображения с текстом, символичность красного цвета.

На протяжении десятилетий сменялись поколения художников, но тема Октября оставалась востребованной, решение же её определялось как временем, так и индивидуальностью мастера. Небольшая по размеру картина М. Яновского («Выступление М.Н. Калинина в Оренбурге». 1946 г.) посвящено конкретному событию и явно стремление автора добиться предельной достоверности во всём: в облике зала (здание по улице Правды, 6), в типических образах слушателей, сознающих значимость момента.

Брусиловский М.Ш.
(1931-2016) Тревожная
молодость. 1963 г.
Холст, масло

Ерохин Н.С.
(1929-1989) Портрет
М.И. Калинина 1969 г.
Холст, масло

Ерышев Н.П. (1936-2004) Изба-читальня. 1969 г. Холст, масло

**В залах выставки
«Время, вперёд!»**

Работы 60-х годов, годы хрущёвской «оттепели», несут иное эмоциональное прочтение событий; художников привлекает романтическая атмосфера тех дней, так звонко и страстно звучащая в знаменитых строках М. Светлова: «Гренада, Гренада, Гренада моя...» Практически нет сюжетной основы в картине М. Брусиловского «Тревожная молодость»: профильные изображения бойца и девушки — в страстном порыве друг к другу.

Юные, красивые, возвышенно одухотворённые, в пересечении их взглядов вспыхивает пламя любви, и сейчас, в ожидании разлуки, нет ничего важнее, автор окружает их пустынным, как бы пульсирующим синим пространством, лишённым каких бы то ни было реалий бытия. Резкая, упругая линия профилей, обобщённая лепка объёмов, уплощённость пространства создают наряду с романтическими нотами эпическую торжественность, монументальность образов. В картине В. Просвирина «Вручение знамени ВЦИК» (1969) отражено реальное событие, но здесь в динамичных линиях фигур, развешиваемых знамён, контрастах цвета и тени — романтическое, взволнованное ощущение эпохи больших перемен.

О том, что революция 1917 года была подготовлена всем ходом исторического развития России XX века, свидетельствует картина Ю. Кугача «Забастовка» (1960-е гг.) с её

настороженностью, затаённой, готовностью к взрыву — в образах рабочих, плотно окруживших хозяина. Отчаянье доведённых до крайности людей, суровость времени, предчувствие приближающегося взрыва — в сжимающемся кольце рабочих, в подчёркнуто сдержанной, тёмной гамме красок. Та же тема в картине «Искра» (1956) Ю. Клячко, само название одновременно является как раскрытием содержания — рабочие читают ленинскую газету «Искра», так и символом готовящейся революции — из искры — пламя. В картине в резком контрасте уютного в полутьме помещения и освещённых пламенем фигур таящаяся опасность и готовность к действию.

В произведениях 1970—1980-х годов более аналитический, более осознанный взгляд на прошедшие события. Особенно остро осознаётся значимость результатов революции, так и сегодня трудно переоценить тот факт, что в кратчайший срок безграмотная страна стала страной грамотных, читающих, а значит, и готовых к активной общественной жизни людей. Об этом поэтический этюд Ткачёва к его картине «Между боями» и картина Ерышева «Изда-читальня» (1969) с образами типически обобщёнными — крестьянина, рабочего, раненого бойца, занятых чтением в уютном тепле избы-читальни, взявшей на себя функцию очага культуры того

времени. Уравновешенная композиция — три фигуры образуют равнобедренный треугольник; в тёплой, охристо-коричневой с приглушённым красным цветовой гамме сияет голубым, как прорыв в больший мир — плакат тех лет — неграмотный подобен слепому. Это не просто подсказка зрителю, но художественно-пластическое выражение сущности картины. Картина Н. Ерышева «Оборона Оренбурга» (1974) отнюдь не реконструкция исторического факта, хотя художник был очень внимателен к событиям тех лет, к конкретным деталям. Дорого его признание, что основная мысль картины родилась, когда он в краеведческом музее увидел «...папаху с красной лентой и белогвардейские погоны... трагическая история русского народа — в страшных, когда они под музейным стеклом, приметах...»

В картине не просто предстояние перед боем красных и белых, а трагическая непримиримость представителей одного народа, братоубийственная война, страшнее которой ничего нет на свете. В тёплом, охристо-коричневом колорите картины (как цвет старой фотографии), над тёмной рекой светлой полосой противоположного берега — пламенеющее небо и огромная тяжёлая туча с зловещим свинцово-чёрным подбоем, наползающая на берег. Нет сослагательного наклонения в истории, но в

картине автор своей волей как бы останавливает этот миг, можно разойтись, помедлить, отвести. «У меня не стреляют!!! — писал о картине автор. И это выводит работу из исторической конкретности факта, переводит в философскую, обобщающую мысль о хрупкости нашего мира, о нашей общей ответственности. Удивительная красота живописно-пластического решения, сочетающего упругую силу и гибкость линий, лёгкость как бы перетекающих форм и экспрессивность соединения сдержанной, благородной общей тональности с взрывами красного в тёмном, мерцающем. Живописное решение картины Ю. Григорьева «Тревожные дни. Ф.Э. Дзержинский» (1982) передаёт ощущение завесы времени, которую приподнимает художник, стараясь увидеть, понять происходящее в «тревожные дни» революции, отсюда полумрак, окутывающий высокие своды, неясные силуэты склонённых под столом людей, окружающих строгую вертикаль фигуры Дзержинского, в котором, помимо фанатичной преданности идеалам революции угадывается подлинная человечность деятеля, в те годы взявшего на свои плечи ответственность за тысячи тысяч судеб беспризорников, обязанных ему не просто своей дальнейшей судьбой, но и жизнью.

Героическая и трагическая поступь времени, звучащая в

блоковских строчках «...идут двенадцать человек, винтовок чёрные ремни, кругом огни, огни, огни...», ощутима в батике Т. Беспаловой «Красный патруль» — мощных, неудержимых ритмах шагающих красноармейцев, в контрасте тёмных фигур и пламенеющего, то вспыхивающего, то угасающего красного фона знамён.

Вообще, декоративно-прикладной отдел на выставке не велик, но и в редком образце агитационной ткани «Трактор» 1920-х годов и наборе посуды Л. Григорьевой «Ленинград празднует» — стилизации под агитационный фарфор 1920-х годов — мы ощущаем ритмы и характерную символику того времени.

Существенная особенность выставки заключается в том, что

основу экспозиции составляют сюжетно-тематические картины, жанр практически в наши дни ушедший в небытие. Мы успели забыть о них, мы уже не ждём их на выставках. Но то, как воспринимали их зрители, как долго стояли перед ними, беседовали, спорили, свидетельствует, как необходим нашим зрителям этот серьёзный разговор о жизни, истории, человеке, о нравственных, моральных проблемах...

Конечно же, картина как воплощение большой идеи, как аргументированное обобщение наблюдённого, свершившегося или происходящего, как то, что будит мысль и чувство, как бы заново является перед нами, декларируя большие возможности большого стиля в искусстве!